

Интертекстуальность как одна из особенностей стиля Осипа Сенковского (на материале повести «Микерия-Нильская Лилия»)

Осип Иванович Сенковский был одним из основателей русской ориенталистики, дипломатом и путешественником, предприимчивым журналистом-коммерсантом. Однако прославился он легкомысленным отношением к чужим произведениям, которые публиковались в его журналах. «Коммерческому направлению» в русской журналистике положила начало «Библиотека для чтения». При этом она завоевала популярность у читателей, обладая многообразием разноплановостью публикуемых в ней материалов, а также занимательностью и легкостью изложения серьезной информации.

Впервые личность Осипа Сенковского как яркого писателя проявилась в восточной литературе. Нравилось Сенковскому на Востоке все. Во всем, им впоследствии написанном, чувствуется восточный колорит и импульсивность. На страницах «Библиотеки для чтения» он то и дело возвращается к Египту, Сирии, Нубии, Кордофану. Сенковский не может жить без «пестрых красок восточной жизни, ...он заимствует образы из произведений восточных писателей», ... ибо там, как писал Соловьев Е.А., «достаточно материала для удовлетворения его умственной прихоти» [4, 8].

Обращаясь к восточной тематике в таких произведениях, как «Падение Ширванского царства», «Микерия-Нильская лилия», «Совершеннейшая из всех женщин», Сенковский, точно воспроизводя стиль, форму, средства и даже принцип построения, характерные восточной литературе, в тоже время в свойственной только ему манере их же пародирует.

Повесть «Микерия-Нильская лилия» (1845) – это переложение легенды о Рамсесе II Великом из второй книги «Истории» Геродота [1]. Подзаголовок, используемый Сенковским, - «Перевод древнего египетского папируса, найденного на груди одной мумии в фивских катакомбах» - сигнализирует о предстоящем текстовом диалоге «старого» с «новым», «своего» с «чужим».

Модифицируя легенду, записанную Гомером, Сенковский формирует свое оригинальное авторское текстовое пространство, добываясь целостности и единства. Он идентифицирует основные персонажи претекста, наделяя их именами, добавляет отсутствующие у Геродота психологические характеристики и реалистические мотивы, сохраняя композицию, вводит новые элементы в событийный ряд. Так, образы фараона Амосиса, его дочери Микерии, сыновей обманутого им архитектора Апопи и Ктепи построены на основе полемического переосмысления Сенковским мотивов, образующих известный, почти детективный сюжет Геродота.

Преобразование готовых мотивов первоисточника связан с усилением в повести Сенковского «Микерия-Нильская лилия» этической проблематики. Так, изображая фараона Амосиса, автор констатирует, что тот был очень богат, так как «был очень мудр и очень скуп... и детям своим денег не давал» [3, 180]. Не меньше авторской иронии и в изображении дочери фараона Микерии. Ее образ – это результат полного несовпадения интенций Геродота и текста Сенковского. Высмеянная Сенковским царская дочь Микерия, которая продавала с детских лет свою благосклонность ради «блаженства покоиться в своей очаровательной пирамиде» [3, 201], – прозрачный намек на хитрых и предприимчивых современниц писателя, выставляющих себя и своих дочерей на «брачный аукцион».

Модифицированы Сенковским и образы сыновей архитектора, и мотивация ограбления царского Лабиринта. В претексте Геродота архитектор открывает сыновьям тайну Лабиринта, чтобы те стали «казначейми» царских сокровищ. У Сенковского же Ктепи и Апопи забирают из сокровищницы ровно столько, сколько не заплатил за строительство их обманутому отцу скупой фараон. Для того чтобы выявить виновного, Геродот представляет действия фараона в таком свете: «... царь, чему я, впрочем, не верю, употребил следующее средство: родную дочь он поместил в публичном доме и приказал ей допускать к себе одинаково всех мужчин, только прежде заставляя каждого сказать ей, что в своей жизни он сделал самого хитрого и бесовестного. Кто

из них расскажет ей о происшествии, того она обязана схватить и не отпускать» [1]. Сенковский представляет ситуацию по-другому: «Мудрый царь Амосис отправился в золотой терем лунно-любимой дочери своей, царевны Микерии-Нильской Лилии, и держал ей такую речь: «Дражайшая лунно-любимая дочь моя! ... Мне нужен твой женский ум. Ты совершеннолетняя: я объявляю сегодня же по всему верхнему и нижнему Египту, что, согласно с моим обетом, отдаю руку твою тому из моих мудрых и ловких Египтян, кто расскажет тебе... одной тебе, наедине ... и не открывая наперед ни имени, ни звания, самый удивительный подвиг остроумия, из личных своих деяний» [3, 240].

Итак, в «своем» тексте мотив торга Сенковский, неким образом переосмысливая, подвергает снижению. Он снимает экзистенциальную напряженность конфликта: готовность фараона обменять целомудрие и честь дочери на возвращенные сокровища трансформируется в организацию состязания за право быть ее мужем и зятем фараона. Вводя ответные реплики рассказывающего свою историю Апопи, писатель, скорее всего в интересах цензуры, снимает акцент Геродота на безнравственной составляющей поступка героини, который был заострен в претексте.

Комическую контаминацию первоисточника и развернутых объяснений Сенковским сюжетных коллизий и причинно-следственных связей можно увидеть и в описании в повести торжеств по случаю совершеннолетия Микерии, где среди приглашенных танцовщиц и артистов автор упоминает знаменитую Елену Троянскую. В данном случае Сенковский объединяет в единый сюжет два события, исторически не связанные, отсылая читателей к другому источнику Геродота, в котором древний историк дает свое объяснение нежеланию троянцев отдать беглянку мужу – Елена была во время осады Трои под покровительством жрецов Египта. Традиционно величественная и гордая красавица сведена Сенковским до унижительной роли презренной рабы фараона Египта. Такой прием использования интертекста был использован Сенковским для комического эффекта и

позволяет говорить о смысловой неоднозначности и полифонизме повести «Микерия-Нильская лилия».

Итак, по своей форме заимствования, используемые в восточных повестях Сенковского, радикально отличались от привычных литературных форм подражания или пародии. Сенковскому не важен был оригинальный текст, первоисточник для него являлся лишь функциональным предметом: тот или иной сюжет, а также взаимосвязанные с ним «чужие» тексты, он использовал для эстетической «игры» с читателем. Способность понять своего читателя, подстроиться под него была особенностью и литературной, и журналистской деятельности Сенковского. Отсюда и оригинальная «облегченная» форма его произведений, которые отличаются самобытной степенью условности и утрирования, литературностью, наличием «игрового» начала. Смысл интертекстуальных включений был в том, что Сенковский, сталкивая абсолютно чужеродные текстовые материалы, делал самые неожиданные сопоставления, добиваясь смысловой многоуровневости и многослойности, которые впоследствии назовут особенностями «брамбеусовского» стиля. Для этого он использовал реминисценции, литературные и исторические аллюзии, эксплицитное цитирование. Подобная авторская стратегия использования интертекстов и прослеживается в повести «Микерия-Нильская лилия».

Литература

1. Геродот. История. В девяти книгах. /Пер.Ф.Г.Мищенко. – М., 1972. Кн.2. – Режим доступа: <http://www.litres.ru/gerodot/istoriya>
2. Перцева В.А.Художественная проза О.И.Сенковского. – Х., 2005. – 134 с.
3. Сенковский О.И. Микерия-Нильская лилия. // Собр.соч.: В 9 т. – СПб.: 1858-1859. – Т.5. – С. 171-275.

4. Соловьев Е.А. Осип Сенковский: Его Жизнь и литературная деятельность в связи с историей современной ему журналистики. – СПб, 1892. – 80 с.